

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКИХ ЛЮДЕЙ XVIII – XIX вв. О СЕБЕ И СВОЕМ МЕСТЕ В ОБЩЕСТВЕ*

При исследовании общественного сознания горнозаводских людей одним из важнейших задач является выяснение их представлений о самих себе, о социальной группе, с которой они себя идентифицируют, о своем месте в обществе и государстве. Решение этой задачи, безусловно, будет способствовать разработке до сих пор остающейся дискуссионной проблемы особенностей социальной природы горнозаводского населения. Одни авторы пишут о существовании особого «горнозаводского сословия», другие видят в горнозаводских людях полукрестьян-полурабочих, третьи относят их к пролетариату. Н.Н.Алеврас предпочитает говорить о «недоразвитой» ко времени реформы 1861 г. «сословной корпорации», которая в пореформенное время начала разлагаться, но «недоразложилась» и к началу XX столетия. При этом дискуссия ведется исключительно на материале Урала.

Анализируя применительно к горнозаводским людям содержания понятия «мы», прежде всего, необходимо охарактеризовать «наше» отношение к труду, определить базовые черты «нашей» трудовой этики. Историки, стараясь разобраться в особенностях, в особенностях культуры труда и ее эволюции в разных странах, обычно исходят из признания двух типов трудовой морали — традиционной, потребительской, минималистской (ориентированной на удовлетворение минимальных материальных потребностей труженика и его семьи), и современной, рациональной, максималистской (ориентированной на получение максимально возможных доходов и прибыли). В некоторых случаях авторами явно преувеличивается значение «национальных» (этноконфессиональных) различий культуры труда. Например, французский исследователь Р.Порталь утверждал, что российского рабочего — вчерашнего крестьянина «только с помощью кулака и кнута можно было заставить... хорошо работать». Об уральских горнозаводских рабочих XVIII в. он, в частности, писал, что это были люди, «веками привыкшие все делать не спеша, с долгими и частыми перерывами». Вообще, по мнению Порталья, «в России принято работать неравномерно, урывками»¹. Р.Хелли пришел к выводу, что для

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (грант 04-01-00462а)

русских тружеников в прошлом «пассивность и отсталость были нормой, напористость и личная инициатива рассматривались как нетипичное положение»². По заключению Б.Н.Миронова, «православные российские работники, будь то крестьяне или рабочие, работали умеренно и любили праздники не потому, что они были ленивыми или глупыми, а потому, что в их системе ценностей труд не занимал столь высокого места, как в системе ценностей работника, воспитанного в протестантской культуре». «Узкое место трудовой этики» российского рабочего, согласно выводу историка, состояло «не в том, что он в принципе не мог интенсивно работать, а в том, что работать в полную меру своих сил он считал необходимым не каждый день, а лишь в экстраординарных ситуациях, да и в эти минуты трудового энтузиазма он не мог трудиться качественно из-за недостатка квалификации, знаний, рачительности, предприимчивости и элементарной дисциплины». Эта этика, как полагает Б.Н.Миронов, и в начале XX в. «в основном оставалась традиционной, минималистской и весьма медленно трансформировалась в современную, минималистскую»³. Близкую позицию занимает Ю.Д.Коробков, предпринявший попытку реконструкции социокультурного облика рабочих горнозаводского Урала второй половины XIX — начала XX в.⁴. Правда, причину того, что даже в конце рассматриваемого периода отношение рабочих к труду оставалось «в рамках представлений традиционного общества» (характерными чертами традиционной трудовой этики историк считает инертность, безынициативность, лень, недисциплинированность и т.п.), он видит не в их «национальных» или конфессиональных особенностях, а в социально-экономических условиях Урала, в господствовавшей в местном горнозаводском производстве системе «"тотальной" опеки рабочих»⁵.

Безусловно, учет отраслевых и локальных условий труда и жизни при изучении общественного сознания промышленных работников в «старой» России необходим. Подводя итоги и намечая задачи исследования российского рабочего движения, И.М.Пушкарева и Н.Л.Пушкарева, в частности, отметили: «На протяжении многих десятилетий рабочее движение, в центре которого была стачка, принято было изучать, бесконечно выявляя некую общую тенденцию, центральную, магистральную линию. Исследователи как бы забывали, что в стачках участвовали обычные живые люди со своими надеждами и упованиями, заблуждениями и ошибками. Чтобы понять их, их помыслы, нужно принять во внимание не только количественные, но и качественные показатели, "чтобы не потерять контакта с людьми, событиями, местом

и временем, которые исследуются, чтобы они не исчезли в ходе кодирования информации, конструирования моделей статистическими процедурами и компьютерными технологиями...»⁶. Представляется, что эти слова (авторы воспользовались цитатой из одной из книг Ч.Тилли, известного специалиста по рабочей истории) вполне могут быть отнесены и к ситуации с исследованием отношения рабочих к труду. Обобщающие наблюдения в данном случае, безусловно, необходимы, но они должны опираться на детальную реконструкцию культуры труда рабочих разных промышленных отраслей, разных профессий и квалификаций, с различной «родословной» (потомственных и «новоприборных»), рабочих центра и периферии. Н.С.Полищук, много сделавшая для исследования повседневного дореволюционного рабочего быта, в свое время справедливо подчеркивала: «...Рабочий класс России не был монолитной массой, что сказывалось и на его обычаях и нравах, при общей тенденции развития имевших свои особенности не только в разных регионах и у представителей разных отраслей промышленности, но и у разных составляющих рабочего класса — авангарда, широких масс и отсталых слоев, а также у потомственных рабочих и вчерашних выходцев из других сословий и социальных групп»⁷.

Спецификой отечественной горнозаводской промышленности являлось доминирование в ней на протяжении длительного времени принудительного труда. Объяснялось это, в частности, тем, что главные горнозаводские центры страны в XVIII — XIX вв. располагались в относительно малонаселенных районах. Решение задачи обеспечения их рабочими кадрами взяла на себя центральная власть, насильно интегрировавшая в заводское производство значительную часть местного сельского населения⁸. Конечно, отношение рабочих к подневольному труду не могло не иметь своих особенностей. Авторы коллективного труда «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период», имея в виду горнозаводские предприятия Алтайского и Нерчинского округов (они состояли в ведении императорского Кабинета), например, отмечали: «Интересы Кабинета были абсолютно чужды работникам. Мастерские не были заинтересованы в труде, поэтому работали лениво, умышленно портили орудия труда, не повиновались приказаниям»⁹. По мнению З.Г.Карпенко, подневольный характер труда в горнозаводской промышленности препятствовал воспитанию «у мастеровых любви к своему делу»¹⁰.

Подобные оценки и выводы были типичными для советской историографии. Приходится встречаться с ними и в работах постсоветского времени¹¹. Однако в последние годы появились исследования исто-

риков, в которых показано, что действительная ситуация была несколько иной. Особо стоит выделить статьи Д.В.Гаврилова «"Ай, да мы, работающий народ..."»: трудовые и культурные традиции горнозаводских рабочих Урала в XVIII — начале XX вв.»¹² и Н.Н.Алеврас «"Заперты мы на заводе": локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала»¹³. «Несмотря на исключительно тяжелые и опасные условия труда в горнозаводской промышленности, скудное материальное обеспечение, плохие жилищно-бытовые условия, бесправие, обездоленность, рабочие проявляли трудолюбие, высокую трудовую энергию, силу и ловкость, изумительное мастерство, творческое отношение к труду, новаторство, стремились отыскать "живинку" во всяком деле, то есть творчески подходили к нему», — заключает Д.В.Гаврилов, один из ведущих в стране специалистов по истории горнозаводской промышленности и ее кадров. При этом, по его данным, рабочим было присуще и предание о государственной важности их труда¹⁴. В отношении последнего наблюдения с Д.В.Гавриловым солидаризируется Н.Н.Алеврас. Рабочие, по ее словам, «вполне понимали, по крайней мере, в XIX в., что их сообщество сформировано с целью создания и развития горнозаводской промышленности», которая ими «воспринималась как приоритетная область экономики, содействовавшая решению важных государственных задач». «Причастность к решению государственных задач, — пишет историк, — придавала социальной психологии сословия налет этатизма: в системе его ценностей государство, высшая власть занимали приоритетное место, что характерно и для крестьянской психологии. Одновременно формируется комплекс самоуважения, который в быту выражался в подчеркнуто почтительном отношении к наиболее сложным заводским профессиям, требующим высокого мастерства. Образ Данилы-мастера из уральских сказов концентрированно отразил самооценку населения заводского профессионализма...»¹⁵.

В качестве источников и Д.В.Гаврилов, и Н.Н.Алеврас, помимо прочего, привлекают фольклорный материал. При этом даже те цитаты из записей фольклорных произведений, которые ими приводятся, свидетельствуют о противоречивости оценок рабочими заводского труда и самих заводов. С одной стороны, — «Ай, да вы, заводы, вы, мои заводы, рас-кирпичные, ай, да мы, работающий народ..»; «Вот Тагил завод хороший, всем на загляденье...», с другой, — «Распроклятый наш завод. Перепортил весь народ... Всё забота да работа до тяжелого до пота. Она сушит молодца, эх, до самого конца»; «Заперты мы на заводе тяжелой неволей...Никуда нам нет пути — ни уехать,

ни уйти». Еще явственнее проступает это расхождение в оценках при обращении к самим фольклорным собраниям. Объяснение следует искать в характере отношений фольклора с исторической действительностью, заложенных в самой его природе. В последние десятилетия учеными подвергнуто критическому пересмотру положение (господствующее в советский период) о фольклоре, как о вторичном, надстроечном явлении, отражающем бытие (отсюда следовал вывод, что «в фольклоре нет и не может быть ничего, кроме действительности»), как о «выражении чаяний и ожиданий народа», «выразителе мировоззрения трудовых масс», «идеологии и художественных вкусов народа»¹⁶. Имея, в частности, в виду русскую народную необрядовую лирику, Г.И.Мальцев, например, заключает: «Эта поэзия (элиминируя всякую реальность) в качестве единственного “реального объекта” имеет саму себя, т.е. ее поэтические формы не “относятся” (в миметическом плане) ни к какой реальности, кроме самого поэтического языка, их образующего». Та действительность, тот мир, который изображен в народной лирике, по словам фольклориста, «непосредственно несоотносим с миром “реальных данностей” и в известной степени противостоит “конкретному бытию”¹⁷. «Сказано превосходно, — заметил по этому поводу Б.Н.Путилов. — И может быть отнесено не только к народной лирике. Непосредственная несоотносимость с миром “реальных данностей” “своего” фольклорного мира, противостояние “конкретному бытию” характерно и для героического эпоса... и для сказок, и для ряда других жанров... Там же, где фольклор как будто непосредственно обращается к реальности, к лицам и событиям политической жизни, к обыденности, там происходит обязательная их трансформация, “выворачивание”, включение в “свой” фольклорный мир, где они обретают новую судьбу. И происходит это не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни»¹⁸.

Простое воспроизведение реальной действительности, как установлено наукой (имеются при этом в виду не только самые новейшие труды, но и более ранние исследования, принадлежащие перу тех же Г.И.Мальцева и Б.Н.Путилова, В.Я.Проппа и др.), не отвечает требованиям законов фольклорного сознания. «Фольклор, — пишет Путилов, — предполагает создание “своей” реальности»¹⁹. При этом «нормы» фольклорной реальности, фольклорного мира воплощает «не некий набор истин», а «множество не совпадающих по сути своей

оценок и характеристик ситуаций, событий, конфликтов». «Всеохватность фольклора как совокупности исторической памяти этноса и его полифункциональная направленность», согласно выводу Путилова, «предопределяют его идеологическую неопределенность и “всеядность”, свободное отношение к альтернативным, подчас взаимоисключающим трактовкам и концепциям, перепады оценок». «Эти качества, — заключает Путилов, — можно обнаружить в пределах одного жанра, где они оказываются определяющими для содержательного мира (пословицы, загадки, частушки, анекдоты). Они же во многом обуславливают содержательную систему жанров соседствующих: то, что в текстах одной жанровой принадлежности предстает с безусловно положительным знаком, в других подвергается отрицанию; героическое оказывается смешным, возвышенное пошлым. В одних сказках героем выступает обладатель чистых нравственных качеств, в других — плут и мошенник. Воровство и обман безоговорочно осуждаются в одних произведениях и возводятся на ступень героических деяний в других»²⁰.

Все эти выводы и наблюдения в полной мере следует относить и к так называемому рабочему (или заводскому) фольклору. Существует, правда, и иная точка зрения. Так, по мнению челябинского исследователя А.И.Лазарева, автора книги «Рабочий фольклор Урала: (об основных этапах становления и развития нового типа художественного мышления народа)»²¹, устные произведения, возникшие в среде уральских горнозаводских людей, отличались «жизненной точностью». Стиль горнозаводского фольклора в отличие от традиционного, согласно выводу Лазарева, был реалистическим. При этом достоверность, как считает фольклорист, достигалась приемом локализации и узколокальной тематикой. «Местное, — пишет он об устном творчестве рабочих Урала, — питало все его жанры». Уже с конца XVIII в., по утверждению А.И.Лазарева, на заводском Урале складывается новый принцип песнетворчества — фотографичное, зеркальное отображение действительности²².

Однако, как справедливо заметил тот же Б.Н.Путилов, фольклорная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. «Фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных “единицах” текстов, — пишет исследователь, — существует только как региональный/локальный»²³. Категории локальности и микролокальности оказываются применимы не только к рабочему фольклору, но и, например, к крестьянскому, казачьему, солдатскому. В уральском регионе (о ко-

тором пишет А.И.Лазарев) «местное питало» устное творчество всего населения, а не только горнозаводских людей. При этом тематика, сюжетика, мотивы произведений, возникших и бытующих в рабочей среде, лишь в малой степени были связаны с заводом или рудником. Показательна история со сборником «Дореволюционный фольклор на Урале», подготовленным к печати В.П.Бирюковым (для Свердловского книжного издательства), рассказанная П.П.Бажовым литературоведу М.А.Батину. «Бирюков собрал сборник, — вспоминал Бажов. — Но он ввел в него то, что обыкновенно в фольклорные сборники помещалось: песни, загадки, сказки — бытовые, главным образом, их варианты. Фактическим редактором была Блинова. Она поставила вопрос: почему же нет рабочего фольклора. Владимир Павлович ответил, что такого материала нет в его распоряжении, что он его нигде не может найти. Меня это просто задело: как так — рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес им “Дорогое имячко”²⁴.

«Дорогое имячко» и другие сказы, принесенные П.П.Бажовым, издательский редактор Е.М.Блинова включила в сборник (вышедший в свет в 1936 г.) в качестве произведений устно-поэтического творчества уральских рабочих. Несколько бажовских сказов та же Блинова позднее (1941 г.) опубликовала в другом фольклорном сборнике — «Тайные сказы рабочих Урала».

Между тем П.П.Бажов был не собирателем фольклора, а талантливым писателем, и сказы Бажова являлись не коллективным безымянным творением, а продуктом его индивидуального творчества. В «Малахитовой шкатулке», в образах бажовских сказов отражен взгляд на прошлое горнозаводского Урала их автора — советского литератора, вчерашнего «красного» политработника, «дисциплинированного члена партии» (определение В.П.Лукиянина²⁵). Правда, сам П.П.Бажов в письме (от 18 сентября 1945 г.) к критику Л.И.Скорино утверждал: «Одно несомненно, — образ у меня не возникает из пустоты, из нета, от письменного стола, а берется, подыскивается, подбирается из фольклора. И в этом, если хотите, и сила образа. Это вам не метафора, не изящество влияний, а корень творчества, которое называется народным»²⁶. Однако к этим словам писателя надо относиться так же, как и к его утверждениям, что «Малахитовую шкатулку» составили сказы, слышанные им когда-то от полевого мастерового В.А.Хмелинина и восстановленные по памяти, и что он, Бажов, — лишь «обработчик» фольклора. «Сопоставление черновых рукописей

сказов с окончательными текстами, — пришел к выводу главный бажовед М.А.Батин, — убеждает, что Бажов выполнял обычный писательский труд. Вдумчивая разработка характеров, тщательная выверка их с точки зрения социально-психологической достоверности, умная, яркая психологическая и портретная индивидуализация, поиски наиболее убедительных и впечатляющих композиционных решений, кропотливая работа над языком — так создавались сказы». И здесь же литературовед делал другое важное наблюдение: «... В его сказах ясно выражено мировоззрение советского человека, мировоззрение, какого не могло быть у полевского мастерового 90-х годов XIX века Василия Хмелинина»²⁷. Стоит в данном случае привести слова, адресованные Бажовым (письмо от 20 мая 1947 г.) писателю М.Х.Кочневу, автору книги сказов об ивановских текстильщиках: «Литературная передача фольклора началась давным-давно... и речи не может быть о зачине в нашем столетии. Другое дело — окраска. Она, конечно, может и должна существенно отличаться от окраски прошлого. В этом отношении могу повторить Вам совет — не пойти в поводу у рассказчиков, которые еще не отрешились от взглядов прошлого. Сказ “Душа в мешке” порочен именно с этой стороны: он фабульно построен на основе религиозных представлений. Конечно, так могли рассказывать еще многие из ткачей, но советскому писателю надо было либо отказаться от этого сказа, либо найти для него иную фабульную основу»²⁸.

То, что сказы П.П.Бажова не фольклор, а литература (пусть и с фольклорными «корнями»), сегодня для исследователей-филологов является установленным фактом²⁹. Представляется, что подобного определения заслуживают также сказы, предания и легенды А.А.Мисюрева³⁰. По своему художественному уровню «фольклорные» произведения Мисюрева, конечно, не могут быть сопоставимы с прекрасными бажовскими сказами. Этим объясняется отсутствие явно выраженного интереса специалистов к его творчеству. Известно, что А.А.Мисюрев, бывший беспризорник, детдомовец, разнорабочий, со временем занявшийся литературным творчеством, в 1935 г. был командирован журналом «Сибирские огни» на Рудный Алтай для сбора горнозаводского фольклора. Результатом этой и новых поездок стали записи многочисленных преданий, легенд, бывальщин. В 1938 г. в Новосибирске выходит в свет книга Мисюрева «Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых» с предисловием М.К.Азадовского, который представлял ее читателю как сборник рабочего фольклора. Утверждение, что А.А.Мисюрев в этой и последующих книгах публи-

ковал подлинные фольклорные произведения, до сих пор никем не подвергнуто сомнению³¹. Показательны, однако, слова, содержащиеся в редакционном предисловии к публикации рассказов Мисюрева в «Сибирских огнях» (№ 5 за 2000 г.): «Сказы и предания, собранные и творчески переработанные А.Мисюревым, великолепно передают суть и характер умного, сметливого, отважного, выносливого и гордого народа...». Действительно, вниманию читателей предлагались не подлинные народные творения, а «творчески (надо добавить и идеологически) переработанные» собирателем. Т.С.Мамсик сопоставила, например, варианты легенды о беглецах-мастеровых братьях Белоусовых, опубликованные А.А.Мисюревым и Н.М.Ядринцевым³². Оба публикатора, по их утверждению, записали легенду со слов старожиллов горной Колывани (Ядринцев побывал в Колывани в 1878 г.). Сюжет варианта Ядринцева прост: горнорабочие Белоусовы «и с ними Чахловы», которым «работа не под силу стала» и «воли захотелось», бежали в горы — решили основать там «свое царство»; организовавшись в шайку разбойников, они стали грабить окрестных крестьян («выйдут в долину, начнут стрелять, скот у крестьян забирали, порох, винтовки, а потом уйдут опять в горы; в пещерах спасались»); когда дело дошло до убийства (разбойники убили местного жителя-казака) «начальство» отправило на их поимку до 500 человек (400 крестьян и 100 казаков); братьев схватили, жестоко наказали и отправили в ссылку³³. Собственно говоря, Н.М.Ядринцеву довелось зафиксировать не легенду, а меморат — воспоминания о реальных событиях 1820-х гг. Старики, с которыми он беседовал, были современниками этих событий. Выпускнику медицинского факультета Дерптского университета А.А.Бунге, участнику научной ботанической экспедиции 1826 г. на Алтай (возглавлял экспедицию дерптский профессор К.Ф.Ледебур), довелось встретиться с беглецами-разбойниками в дер. Чечулихе, через которую пролегал маршрут его путешествия. «Деревня Чечулиха, — отмечал в своем путевом дневнике Бунге, — ... есть крайнее с этой стороны русское поселение, граничащее с областью кочующих калмыков. Расположена она исключительно красиво. Селение стоит на берегу Чарыша, который здесь хотя и не особенно глубок и широк, но очень стремителен. На противоположном берегу высится Хазинская вершина, подножие которой покрыто лиственницей, сибирским кедром и пихтой. Довольно острая и круто обрывающаяся вершина скалиста и бывает свободна от снега лишь в июне и июле. Сама деревня построена в долине, которая террасами поднимается и сужается к северу, где горы, тянущиеся по обе сторо-

ны долины вдоль Чарыша, соединяются и дальше высются уже под названием Чечулинских альп». В этих горах и укрывалась «разбойничья шайка» Белоусовых. Бунге остановился на несколько дней в доме одного из чечулинских крестьян, рассчитывая во время экскурсий в окрестности Чечулихи собрать образцы местной богатой флоры. «12 апреля произошло исключительное событие, — рассказывал ученый путешественник. — Когда я пополудни возвратился из небольшой поездки в горы, в комнату ко мне ввели одного горнорабочего из Змеиногорского рудника, который недавно прибыл сюда с товарищем и заработал у здешних крестьян немного денег. Он был бледен и дрожал всем телом с выражением страха и ужаса на лице... На мой вопрос, что с ним, горнорабочий рассказал следующее. Решив возвратиться домой, они пошли за своими пасущимися на воле лошадьми, чтобы ночью отправиться по окольной дороге, так как им стало известно, что их подстерегали коргонские беглые (члены белоусовской «шайки», жившие до побега в пос. Коргон. — Н.М.), предавшие о том, что у них скоплены деньги. В версте от деревни... трое коргонских беглых напали на его спутника, который отстал, чтобы поправить седло, а трое других устремились в погоню за ним самим. Он избежал верного разорения благодаря быстроте своей лошади... Рабочий просил моего содействия, чтобы я велел деревенскому старшине освободить пленного казенного рабочего и дать им сопровождающих для отъезда отсюда». Бунге (который, кстати, по завершении экспедиции намеревался остаться работать на Алтае на должности врача Колывано-Воскресенских заводов, на которую уже успел получить назначение. — Н.А.) решил направить к «разбойникам» для переговоров своего проводника, оказавшегося родным братом беглецов Белоусовых. «Едва я отпустил его, — продолжал свой рассказ путешественник, — как сразу же услышал выстрел и увидел разбегающихся жителей деревни. Мой проводник вернулся и сообщил, что разбойники уже около деревни. Крестьяне теснились у меня в комнате и просили о помощи...». Бунге оставалось лишь надеяться, что ему удастся уговорить «разбойников» «воздержаться от дурных действий против жителей деревни» и его самого, и он отправился навстречу коргонцам. «Я поднялся по горному склону, — описывал Бунге дальнейшие события, — и к моему удивлению увидел двенадцать здоровенных молодцев, каждый из которых был вооружен одним или двумя ружьями, двумя пистолетами, саблей и длинным ножом и превосходно держался в седле. Один крестьянин, перед чьей избой они остановились, вынес полное ведро водки, чтобы их умиловить».

Оказалось, что «разбойникам» было известно о назначении Бунге врачом на Колывано-Воскресенские заводы, и они уверили его, что ему, «как врачу, который нужен людям», не следует их опасаться. Беглецы Белоусовы даже обещали ему «всевозможную помощь» в его путешествии, поскольку «слышали» о его хорошем отношении к их брату-проводнику. Бунге, правда, пришлось угостить «разбойников» («по их настоятельной просьбе») вином. С крестьянами же беглые коргонцы не церемонились: переходя от избы к избе, они забирали у жителей «всё, что им казалось нужным, особенно ружья, порох и деньги и т.п.». В частности, хозяин дома, в котором остановился Бунге, «лишился 50 рублей и многих вещей». Вообще «разбойники» вели себя как завоеватели. «Их крики, постоянная стрельба холостыми зарядами из пистолетов, их воинственный вид и вдобавок их пьянство, — делился своими переживаниями путешественник, — всё это представляло собой довольно жуткую картину на фоне сильного ветра, завывавшего взапуски с женщинами и крестьянскими собаками, и шума вздувающегося Чарыша»³⁴.

Когда в середине июня того же года в Чечулихе оказался со своей частью экспедиционного отряда сам К.Ф.Ледебур, он узнал, что еще за две недели до его приезда «страшные беглые горнорабочие... все, за исключением одного, были переловлены»³⁵.

Сопоставление содержания мемората, зафиксированного Н.М.Ядринцевым, со сведениями, которые приводятся в путевых дневниках Бунге и Ледебура, позволяет заключить о их совпадении не только в основных чертах, но и в некоторых деталях. Совсем иное воспроизведение событий дается в мисюревской легенде. В них все беглецы носят фамилию Белоусовых и являются братьями. Бегство их связывается с нежеланием Белоусовых подчиниться прихоти управителя, пожелавшего, чтобы братья убили для него нескольких змей (управитель хотел украсить их чучелами свой кабинет). Став «разбойниками», они, по версии, опубликованной Мисюревым, нападали только на горных начальников и «богатых мужиков», мстя им за обиды, чинимые мастеровым и крестьянам-беднякам. По этой причине им «от народа уважение было». Ни поймать, ни убить братьев Белоусовых долгое время не удавалось — они «пулю в ладонь ловили». Когда все же их схватили и посадили в тюрьму, они сбросили кандалы, выломали тюремные многопудовые решетки и бежали. Прослышав, однако, что арестовали «их батю и драли кнутом», они добровольно сдались властям, надеясь, что взамен те отпустят их отца на свободу. На «При-

гонной сопке» братьям устроили публичное жестокое наказание. «Тут им и конец был»³⁶.

Т.С.Мамсик отметила, что легенда, представленная читателю А.А.Мисюревым, в описании и трактовке событий расходится не только с другими публикациями (включая работу томского профессора Д.Н.Беликова, попытавшегося в конце XIX в. реконструировать алтайские события 1826 г. на основе документальных источников³⁷), но и с выявленными ею в архивах Барнаула, Омска и Санкт-Петербурга новыми документами. «В среде мастеровых, — заключает историк, — рождалась своя художественно-эстетическая культура. Разбойничья легенда — одно из ее проявлений. Сравнение белоусовской легенды и реальных ситуаций, на основе которых и в пикну которым она строилась, позволяет понять механизм формирования этого культурного явления как с содержательной, так и с художественной стороны... Легенда была призвана фиксировать тот опыт социальной борьбы, который следовало закрепить, осмыслить, передать как опыт, жизненно важный для пролетарской массы». Задачей легенды, по словам Т.С.Мамсик, было не воспроизведение «реальных ситуаций», а воспитание в трудовом человеке чувства ненависти к классовым врагам, «обостренного ощущения социального антагонизма», «желания мести и борьбы», закрепление в сознании рабочих идеалов «солидарности, гуманности в отношении к своим братьям по неволе»³⁸. Именно потому в мисюревском варианте легенды («в пикну» исторической реальности) герои не грабят своих «собратьев»-горнорабочих и тружеников-крестьян, а защищают их, ложатся «под кнут» добровольно, «страдая за отца» и «за народ», не разбойничают, а «борются с эксплуататорами» — заводскими управителями и «богатыми мужиками» и гибнут в этой борьбе (обретая свой конец на Пригонной сопке). Читателю предлагался не фольклорный памятник, а произведение на «фольклорную тему» самого А.А.Мисюрева.

Все эти соображения, высказанные по поводу сказов Бажова и «фольклорных» публикаций Мисюрева, показывают, что историк при использовании фольклорных произведений в качестве источника, прежде всего должен установить их подлинность. И, конечно, ему необходимо учитывать ту ограниченность информационных возможностей этих произведений, о которой говорилось выше. По заключению Б.Н.Путилова, «фольклор должен не столько использоваться как “источник”, сколько читаться глазами этнографа»³⁹ (добавим, «и историка»).

Н.С.Полищук обратила внимание на то, что в фольклоре оказались отраженными «преимущественно негативные стороны» жизни и труда рабочих. «Объясняется это, видимо, тем, что рабочие в своем творчестве, прежде всего, стремились рассказать о том, что делало их жизнь невыносимой и заставляло выступать на борьбу с существующим строем», — пишет она⁴⁰. Однако подобное предположение представляется несостоятельным. Объяснение в данном случае надо искать в позиции тех, кто занимался собирательством рабочего фольклора и его публикацией. Трудно сказать, какая часть этих произведений осталась «за бортом», сохраняясь (до определенного времени) лишь в устной традиции, и какая вышла в свет в «идеологической обработке» собирателей и издательских редакторов. При этом имеется в виду не только советский период. Тенденциозность в подходах и оценках не была изобретением послеоктябрьского времени. Показательны слова, адресованные П.П.Бажовым А.С.Мякишеву (письмо от 24 июля 1945 г.), приславшему ему на отзыв рукописи двух своих рассказов, в которых речь шла о старом Урале: «Не менее критически надо относиться и к литературным источникам прошлого. Кроме упоминавшейся уже работы Глеба Успенского “Нравы Растеряевой улицы” мы знаем огромное количество других работ такого же типа, где пьянство, темнота и полуживотный быт подавались особенно густо. У старых писателей к этому было много оснований. Подбором темных красок они пытались привлечь внимание к вопросу о необходимости переустройства и повышения культурных мероприятий. Это, разумеется, было по-своему понятно, так как в прошлом было действительно много темного. Но теперь давно пора рассказывать о прошлом по-другому». Автор «Малахитовой шкатулки» призывал начинающего писателя искать в прошлом и «ростки светлого», которых, по его утверждению, было немало, особенно в рабочих поселках⁴¹. Спустя три месяца в письме к Л.И.Скорину Бажов признавался, что в повести «Зеленая кобылка» ему хотелось «показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье» на дореволюционном Урале — «в противовес» очернителям прошлого.. «Да, — подчеркивал писатель, — была темнота, но не такая беспроектная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах или даже в чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа... ребята очень рано начинали себя сознавать ответственными членами се-

мы. Пойти на рыбалку значило — “добыть на ушку, а то и на две”, сходить в лес — принести ягод или грибов. Причем количественные и качественные показатели нередко проверялись совсем посторонними людьми. “Ну-ка, покажи, что наловил? Сколько набрал?” И ты волнуешься, что скажет этот неожиданный судья. А дома эти показатели подвергаются дополнительному обсуждению с привлечением масс: “Смотри-ка, Петюнька полнехоньку корзинку приволок, ягода на отбор!” “А у Санухи вот Митька до десятого году дожил, а всё кружку набрать не может!”... Спорта в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчей, кто лучше плавает, лучше бегают, кто более меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у “врагов” — в соседних улицах. Ведь это же всё измерялось, проверялось, всячески взвешивалось. Большая надежда возлагалась и на “заединщину”. Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское — своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием “наша смена”, “человек нашей смены”⁴².

Важную роль в воспитании детей играли поселковые «старики». «Для примера укажу на летние беседы “на завалинках” в праздничные дни или даже на такие обычаи, как супрядки, капустники и т.д., где обычно “вертелись” и мальчуганы годов до семи-восьми, — продолжал делиться с Л.И.Скорино воспоминаниями о своей жизни «в заводе» сын сысертского мастерового П.П.Бажов (родился в 1879 г.). — Там они, как губка, впитывали, “о чем старухи судачат”, “о чем старики сказывают”⁴³. При этом одной из главных забот и семьи, и «института заводских стариков», и всего поселкового «общества» было воспитание в детях трудолюбия, уважения к рабочему человеку, привитие им трудовых навыков. «Детей рано приобщали к труду, — говорится в книге В.Ю.Крупянской и Н.С.Полищук, посвященной культуре и быту рабочих дореволюционного Нижнего Тагила. — Девочки с малолетства включались в посильные для них домашние работы... прясть шерсть, вязать, вышивать... помогали матери в уходе за коровой, овцами; они сами стригли овец, ходили за водой и т.п. Девочки постарше уже и стирали, мыли полы, понемногу их приучали готовить пищу. Мальчики помогали отцам в “мужских” работах по дому»⁴⁴. Своеобразной школой трудового воспитания было участие подростков в коллективных работах. П.П.Бажов вспоминал о той светлой, радостной трудовой атмосфере, которая царила на поселковых лугах в сенокосную страду. На время этой страды (на месяц-полтора) рабо-

та на предприятиях прекращалась. «Замолкал гудок, затихал обычный шум и лязг фабрики, и только доменные печи продолжали дышать огнем и искрами, — рассказывал он. — ... Рабочие редко вели дело в одиночку, в большинстве объединялись в группы, чтобы легче и скорее покончить с покосом. Группы составлялись с приблизительным учетом рабочей силы семьи... Дело шло дружно, быстро и весело. Случалось, конечно, что траву, скошенную с одного луга, удавалось убрать “без одной дожинки”, а другая попадала “под сеногной”. В таком случае артель старалась поправить дело правильной дележкой сена с того и другого участка. И я не помню, чтобы на этой почве выходили недоразумения. Радость коллективной работы как-то особенно выпукло выступала в это время. Вечером любой покосный стан представлял собою картину дружной рабочей семьи, веселой без кабацкого зелья. Нароботавшись за день, похлебав поземинны или вяленухи... люди подолгу не расходились от костров. Часто старики зачинали проголосную, а молодежь занималась играми, пока не свалится с ног. Утром, чуть свет, все уже на работе, бодрые и веселые»⁴⁵.

Мальчику Бажову было интересно наблюдать за толпой рабочих, спешивших на свой завод или возвращавшихся с работы домой. «Между пятью и шестью часами утра и вечера на улицах завода движение, — рассказывал Бажов. В это время происходила смена.. Везде можно было видеть основного заводского работника — “мастерка”, как его звали. В рубаше и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке быстро шел “мастерко” по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матерком...». В толпе было немало подростков. Законами и Уставом горным разрешалось использовать на заводах и рудниках мальчиков, достигших 12-летнего возраста, «соответственно их силам» (в конце XIX в. нижняя возрастная планка поднялась до 14-16 лет)⁴⁶. Подростков-рабочих в Сысерти звали «шаровкой». «Шаровка», по свидетельству Бажова, «гордилась своей “огневой” работой и старалась это подчеркнуть». Заводская малышня восторгалась «шаровкой», героизировала ее и завидовала ей⁴⁷.

Детский труд применялся на заводах и рудниках не только на Урале. Так, когда в 1768 г. начальство Колывано-Воскресенского горного начальства предписала выслать с Нижнесуздунского завода детей мастеровых 10-12 лет в Барнаул (для обучения в школе при

Барнаульском заводе), выяснилось, что все они уже второй год работают на заводском монетном дворе⁴⁸. К рудоразборной работе на Алтае детей могли допускать уже с 7 лет. В 1822 г., например, на местных Салаирских рудниках трудилось 136 чел. в возрасте 7-12 лет и 161 — в возрасте 13-15 лет. Через 20 лет среди рабочих этих рудников 3 были в возрасте 7 — 12 лет, и 162 — в возрасте 13-15 лет⁴⁹. В литературе обычно утверждается, что определять малолетних сыновей на производство заставляла «крайняя необеспеченность рабочих семей», а в крепостную эпоху — и воля заводов — и душевладельца или горнозаводской администрации⁵⁰. Названные факторы, конечно, имели немалое значение. Но, помимо того, опыт показывал, что овладеть по-настоящему рабочей профессией, «прикипеть», что называется, к «своему» предприятию, полюбить нелегкий труд «мастерка» или «рудаша» можно было, только начав с ранних лет трудиться в цеху или шахте рядом с отцом, дядей, старшим братом. В 1920-х гг. известный писатель-фантаст, палеонтолог, геолог И.А.Ефремов занимался на Южном Урале изучением заброшенных шахт и отвалов Каргалинских медных рудников. В пос. Горном, где во время экспедиции он жил (примерно в 80 км от Оренбурга), Ефремов познакомился со старыми горными мастерами — «рудашами». Один из них — Корнил Хренов стал героем (под фамилией Поленов) рассказа Ефремова «Путиами старых горняков». «Корнилычу было тогда лет восемьдесят пять, — рассказывал Ефремов журналисту В.Л.Савельзону (1969 г.). — И бодрый старик был, дрова рубил, по хозяйству работал. Выходил со мной на сырт, показывал старые шахты, следов которых уже и не осталось. Он помнил их местонахождение, глубины помнил. И я от него очень много записал. Мудрый был старик, настоящий горняк. Он к жизни вдумчиво подходил, не мелочился, видел самую глубинную суть»⁵¹. Старый горняк, помнивший еще времена крепостного права, стал спутником и проводником Ефремова по заброшенным подземным выработкам. При этом, как признавался сам Ефремов, ему не сразу удалось завоевать доверие и уважение «Корнилыча» да и других жителей поселка. «Старый штейгер жил в маленьком домишке через дорогу от меня и почти каждый вечер сидел на завалинке у дома, неподвижно глядя на высокий склон с отвалами рудников, поднимавшийся перед ним, — писал о Поленове (в жизни Хренове) автор документального рассказа «Путиами старых горняков». — Еще в самом начале работы я выпрашивал старика о разных рудниках, которые он знал и помнил великолепно. Однако я видел, что старик мне многое не говорит, отделиваясь ссылкой на

старость и слабую память. Я пробовал убеждать его, говоря, что напрасно он не хочет рассказать всё, что знает, — рудники должны работать. Чем больше мы сейчас соберем сведений о запасах руд, тем скорее и вернее развернется давно замершая работа. Штейгер молчал, только в глубине глаз пряталась хитроватая усмешка»⁵².

Ефремов понял, что старик не станет делиться с ним сведениями о заброшенных рудниках, пока принимает его за чужака. «Я продолжал свою работу, день за днем разыскивая новые доступные выработки, спускаясь на канате в полуобрушенные шахты, и завоевал прочное уважение у местных жителей — потомков старых горняков», — рассказывал исследователь. — Длинными степными вечерами, отдыхая после работы, я часто приходил на завалинку к старому штейгеру и присаживался с ним рядом покурить. Только теперь я не спрашивал его о рудниках. Беседовали мы с Поленовым о прошлых временах, о житье крепостных горных людей (сёмья Корнила, как и все другие местные сёмьи, когда-то были крепостными владельцев рудников графов Пашковых. — Н.А.), о старинных способах работы. Старик отмякал, оживлялся и многое рассказывал мне, удивляя своей наблюдательностью и меткостью выражений. Мои подземные «подвиги», знание истории местного горного дела и старинных горных терминов тронули сердце старого штейгера, и он стал относиться ко мне с гораздо большим вниманием».

В конце концов, «Корнилыч» убедился, что встретил в Ефремове «такого же глубоко преданного своему делу человека», каким был он сам, и согласился не только поделить с ним информацией о рудниках, до которых тот не смог добраться, но и помочь ему в качестве проводника. «Я, Васильич, по человеку вижу, нужно или не нужно ему помочь, — заявил он Ефремову. — Вот пригляделся к тебе, и теперь ты как родной мне. Настоящий рудах! И в тебе любовь большая к доброй работе»⁵³.

Самому Поленову-Хренову стать «настоящим рудахом» помогло то, что свои знания и любовь к трудной профессии ему передались от отца (а тому — от деда), с которым он с ранних лет трудился под землей. «Многолетняя, с детства воспитываемая практика работы под землей, — делился узанным Ефремов, — выработала у Поленовых особое чутье, про которое старик рассказывал так:

— Теперь пошли эти теодолиты, буссоли... Сорок раз вычисляй да исправляй, пока уверишься, что правильно наметил выработку. Если жилу какую-нибудь нужно проследить, куда она, родимая, ушла, начинают горную геометрию разводить, чертят, вычисляют. А вот мы

— мой отец да я — как работали? Походишь под землей, примеришься и чувствуешь, куда подкоп вести, особенно если на сбойку со встречной или старой работой. Это чутье горное нас никогда не обманывало. Сам, небось, видел, какие выработки прокладывали. У меня-то его меньше осталось — с буссолью заставляли работать, — но и то иной раз знаю: врет инструмент; ошибки найти не могу, а знаю — врет. Походишь, породу пощупаешь, куда прожилки направлены, куда зерно укрупняется. Начнешь раздумывать, и такая уверенность придет, что прямо приказываю: бей квершлагом сюда вот! И всегда правильно угадывал, а почему — сам объяснить не могу... Так же точно и воду чувствую под землей, где к водяному слою ближе, где под песчаником вап [Вап — старинное название известковой твердой глины] лежит. Много чего знаю».

В профессионализме своего проводника Ефремов смог убедиться за время их трудных и опасных совместных путешествий по полуразрушенным штольням заброшенных рудников. Ему уже приходилось встречаться с такими потомственными знатоками-практиками рудничного дела. «Без участия минерографии и химии, по тончайшим оттенкам руд, по неуловимому для обычного наблюдателя изменению породы, — констатировал исследователь, — старые горняки предугадывали выклинивание рудного тела, находили обогащенные участки — словом, прекрасно ориентировались в многообразной, занимающей теперь разных специалистов работе по оценке и разработке месторождения. И я думал о том, что напрасно в истории горного дела забыты простые и верные способы, требующие развития наблюдательности и своеобразной духовной остроты человека. Люди стали меньше верить в чудесные возможности, которые таит в себе человеческая природа, в воспитании подлинного мастера — мастера в прекрасном старинном значении этого слова»⁵⁴.

Рассказывая Ефремову о годах своей молодости, пришедшихся еще на времена крепостного права, «Корнилыч» вспомнил и о своем друге Андрее Шаврине, трудовая биография которого тоже началась в детстве. «Работу горную очень любил. Еще мальчишкой с моим да со своим отцом всё по старым работам ходил: по поручению управляющего смотрели, чтобы потом, что хорошее осталось, взять... Работал Андрей — не нахвалишься...», — говорил он, сожалея, что еще в 1859 г. их пути с Шавриным разошлись (на любимую девушку Шаврина Настю Ферাপонтову, дочь крепостного плотника, «положил глаз» управляющий, и Андрею с избранницей пришлось бежать из родного поселка, после чего их следы затерялись)⁵⁵.

В горнозаводской среде с детских лет внушалось, что отношение к труду, профессионализм в своем деле — главное, чем определяется место человека в обществе, авторитетность его мнения. Подростка П.П.Бажова, приехавшего из заводского поселка в Екатеринбург поступать в духовное училище, потрясло, когда после его удачных ответов на вступительном испытании инспектор сказал: «Хорошо. Принят. Завтра приходи на уроки к девяти часам», а затем, обращаясь к остальным членам экзаменационной комиссии, пояснил: «Из светских он. Отец у него простой рабочий». «Инспектор, а не понимает! — думал, покидая комнату мальчик. — Какой же простой, коли тятя с Ильей Горденчем — самолучшие мастера! По всему заводу! А по сварке никто против него не выстоит»⁵⁶.

О добросовестном отношении горнозаводских рабочих к своим трудовым обязанностям писали многие современники. «Все фабрики и производства поддерживаются в столь хорошем состоянии, и рабочие столь прилежны, что, в сравнении с другими местностями, надобно только удивляться», — заметил профессор И.Г.Гмелин во время своего пребывания в 1733 г. в Екатеринбурге⁵⁷. Академик Н.Я.Озерецковский, совершавший в 1782-1783 гг. по поручению Екатерины II «ученое» путешествие по России, посетил, в частности, некоторые заводы Тулы и Урала. «Смотрели заводы и все те работы, которые в оных производятся, — записал он в своем путевом дневнике во время пребывания в Туле. — Петр Великий основал оные в 1717 году. Я не намерен здесь о оных распространяться, ибо надлежало б мне в оном искусстве более быть знающим, нежели я в самом деле есть, а только скажу о рабочих людях, которых число доходит до 5000, и многие из них весьма искусны в своем мастерстве»⁵⁸. Тульские мастера издавна отличались не только высокой дисциплиной труда, но и своей квалификацией⁵⁹. При этом именно Тула стала одним из основных источников квалифицированных кадров для других металлургических заводов России, в том числе уральских. Побывав на уральском Сысертском заводе, Озерецковский отметил: «Поутру осмотрели все производящиеся на сем заводе работы, в котором вырабатывают до 70 000 пуд железа. Также показывали нам разные художества и ремесла, которым обучил А[лексей] Фед[орыч] (владелец завода Турчанинов. — Н.М.) своих людей, и, можно сказать, что нет почти никакого, которого б у него не было». Один из них, по утверждению петербургского академика, оказался «столь искусен в своем мастерстве, что в чистоте своей работы ничем» не уступал «аглицкой». «Прочие мастеровые, — заключал Озе-

рецовский, — также не последние в искусстве». После посещения Полевского медеплавильного завода в дневнике путешественника появилась запись: «В сем месте я видел то, что в оно бы никому не поверил, если бы я сам своими глазами не видел, да и тут не могу еще довольно надивиться. Человек, который проходит чрез двухсаженное пространство великого огня и ходит по каленому чугуну голыми ногами без всякого вреда»⁶⁰.

Щегольнуть перед «зрителями» своей физической закалкой, выдержкой, стойкостью считалось «хорошим тоном» для тех, кто работал в горячем цеху «у огня». «Калены носки, жжены пятки, без подошв сапоги», — это присловье стало как бы опознавательным кодом для заводчан. Именно такими словами встретили Дмитрия Мамина, приехавшего из Висимо-Шайтанского завода учиться в Екатеринбургское духовное училище, двое старшекурсников, тоже оказавшихся «заводскими». «Наш брат — мастерко», — одобрительно заявил один из них⁶¹.

И на заводах, и в рудниках человека постоянно поджидала опасность быть покаленным или даже погибшим. Так, по данным А.П.-Глаголевой, автора монографии об олонечких заводах, местные рабочие часто получали опасные ожоги и ранения⁶². П.И.Мельников-Печерский, которому довелось побывать в кричном цеху, был потрясен увиденным. «Когда смотришь на работников, стоящих у кричной печи, — писал он, — ... ужас объемлет душу: как могут эти несчастные труженики в продолжение нескольких часов трудиться у пылающей печи в атмосфере градусов 80 по Реомюру»⁶³. Впрочем, трудной и опасной была работа не только в горячих цехах. Показательно в этом отношении расследование, проводившееся в первой четверти XIX в. Пермским горным правлением по делу о целом ряде несчастных случаев на Верх-Исетском заводе. Так, у мастерового Василия Кузнецова «оторвало руку прихватившим его вододействуемым колесом»; двое других рабочих, «попав под водяное колесо», были задавлены им. О мастеровом Кирилле Смирнове сообщалось, что он, «находясь в работе при действующем резном стане и охлаждая действующие разные круга водою, подошел к стану сему столь близко... что бывшая на нем одежда попала в стан, а с нею вместе мгновенно затянуло его, Смирнова»⁶⁴.

Но особенно тяжело было тем, кто работал в рудниках. «Спустились они вниз, на расстоянии пятнадцати сажень. Темно, душно, сыро, дышится тяжело. Ноги ступают и скользят по доскам, которые укреплены на сваях, вбитых в землю, а под ними вода; зажгли кое-как

фонарь. Этот фонарь повесили на веревочке за перекладину, или крепь — горбину, подпиравшую срубы одной стены. Вся шахта от верху до низу, до голов человеческих, была закреплена срубами, и все четыре ее стороны, или четыре стены, состояли из срубов, подпирались сваями, между которыми были пробиты и шурфы — узкими коридорчиками, узкими так, что можно в них пройти только одному человеку; они тоже укреплены крепями, чтобы не обваливалась земля», — со знанием дела описывал условия труда на уральском Петровском руднике Ф.М.Решетников, автор романа «Горнорабочие» (впервые роман был опубликован в 1866 г.). Одни рабочие долбили в шурфах кайлами стены (в поисках рудничной «жилы»), другие крепили эти стены, третьи оттаскивали землю, которую в бадьях на веревках поднимали наверх. Когда, наконец, смена закончилась, в тех же бадьях подняли рабочих. «Один по одному рабочие выползали в бадьях на поверхность земли, а два парня — так те по углам сруба поднялись кверху, — продолжал свой рассказ Решетников. — Вы бы не узнали этих рабочих теперь: все рубахи в земле, мокрые; штаны тоже мокрые, в грязи; сапоги приняли вид каких-то чурбанов. Лица и особенно руки тоже черные, в земле. Тяжело они вздохнули, выйдя на свет божий»⁶⁵.

Примерно в таких же (если не более худших) условиях приходилось работать «рудашам» и на других рудниках⁶⁶. Однако «рудашам» и металлургам все эти трудности и опасности представлялись неотъемлемой частью их профессии, предметом гордости, основанием для веры в исключительность своего места и роли в государстве и обществе. «... Ведь без нас казна не обойдется, — рассуждал один из них, герой очерка Ф.М.Решетникова «Горнозаводские люди», — кто, кроме нашего брата, пойдет на фабрику да в рудник: крестьянин или иной какой к этой работе не сроден, а мы сызмалолетства привыкли к ней. Нам и холод и голод — всё нипочем»⁶⁷. «От нас... при заводах от трудов знатная... прибыль приносится», — утверждалось в наказе, поданном в Уложенную комиссию Екатерины II мастерами и рабочими людьми Ягошихинского и Мотовилихинского заводов⁶⁸. Жаловаться на трудности, демонстрировать слабость считалось недостойным рабочего человека. Инженер Василий Канин (под этим псевдонимом в рассказе «Путиами старых горняков» выступал сам И.А.Ефремов) вспоминал, как они с проводником Поленовым (Хреновым), двигаясь под землей, оказались у устья небольшой шахты. «Вверх и вниз в черную тьму уходил квадратный колодец около двух метров в поперечнике, — продолжал делиться воспоминаниями Канин (Ефре-

мов). — К этому времени мы сильно углубились в склон плато, и нависшая над нами толща горных пород была большой. “Теперь куда, Корнилыч?” — окликнул я штейгера, склонившегося над шахтой. Не отвечая, он бросил вниз камень, и вскоре до нас донесся отчетливый всплеск: внизу была вода. Разочарованно я посмотрел на штейгера, но лицо Поленова было спокойно.

— Ну, Васильич, теперь самое трудное начинается — спускаться надо.

— Куда же, в воду?

— Эх, а еще горняк! Или боишься? — поддразнил старик».

Настоящий горняк, по мнению старого «рудаша», не должен был даже в сложной ситуации поддаваться страху. Сам старик, чья «подземная жизнь» началась еще при крепостном праве, держался достойно во время всего путешествия. Даже, когда они из-за обрушения потревоженной земли оказались в западне, «рудаш» не поддался панике. «Мы находились в одном краю огромной, площадью во много километров, системы подземных ходов, уходивших в глубь степного плато, — рассказывал Канин (Ефремов). — Чем дальше, тем шахты становились все глубже и все были завалены. Да если бы некоторые из шахт и были открыты, разве можно было бы подняться через них из стометровой глубины? Чувство смертельной опасности, охватившее в тот момент, когда я услышал шорох обвала, не оставляло меня. Быстро пронесся рой мыслей о жизни, работе, близких, о прекрасном, сияющем, солнечном мире, который я больше никогда не увижу. Я закурил папиросу и жадно затянулся. Табачный дым низко стлался в сыром и холодном воздухе. Овладев собой, я повернулся к Поленову. Он был хмур, спокоен и молча следил за мной взглядом.

— Что будем делать, Корнилыч? — как можно спокойнее спросил я.

— Сильно сверху надавило; пожалуй, вся труба земли села, — сердито хмурясь, сказал Поленов. — Это мы растревожили, когда прокапывались. Видно, давно уж на волоске висело. Делать нечего, не прокопаешься, опять засыпать будет... Ну, пойдем назад, к шахте. Что мы здесь корячимся.

Не говоря ни слова, я пошел за стариком. Его спокойствие удивило меня, хоть я и понимал, что за свой долгий рабочий век он много перевидал и не раз испытывал серьезную опасность»⁶⁹.

В конце концов, благодаря находчивости и смелости старого горняка, его свободной ориентации в системе подземных выработок,

путникам удалось выбраться на поверхность. В знак благодарности и уважения к поколению Хренова Ефремов посвятил свою фундаментальную монографию «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья», увидевшую свет в 1954 г., «безымянным горнорабочим старых медных рудников Западного Приуралья».

Даже работники-подростки старались показать, что нелегкий заводской труд им по плечу. Матери этих подростков, конечно, понимали, какому испытанию подвергаются их сыновья каждый рабочий день, и потому постоянно старались хоть чем-нибудь порадовать их, выполняли, по словам Бажова, разные их «капризы». Например, сын не желал есть ржаной хлеб, требовал «крупчатошный». «Отягу нет с нее — с аржанины-то твоей», — заявлял он. Мать, пытаясь его разубедить, приводила в пример крестьян: «Аржаной едят, а поздоровее наших, заводских». В ответ ей было: «Работа у них не та. Не у огня стоять»⁷⁰. Потомственный заводской рабочий («мастерко»), по словам Бажова, вообще смотрел «сверху вниз» на крестьян и всех тех, кто жил в основном за счет земледельческого труда⁷¹.

Всё это вовсе не означает, что горнозаводские люди презирали крестьян и крестьянский труд (хотя подобная точка зрения высказывалась в литературе⁷²). Они смотрели «сверху вниз» на земледельцев, потому что крестьянину не приходилось трудиться «у огня» или под землей, где было сыро, тесно и не доставало воздуха, в условиях постоянной опасности для жизни, и к тому же крестьянам, по их мнению, не требовалось иметь той физической выносливости и тех знаний, которые для «мастерка» или «рудаша» оказывались обязательными. «Ловко хресьянину-ту и богатеть-ту: посеет мешок (зерна), а намолотит два», — рассуждали, например, горнозаводские жители Красноуфимского уезда⁷³. При этом сами горнозаводчане, как уже отмечалось, охотно занимались сельскими работами. Кроме сенокосения (сено заготавливалось для домашнего скота), часть их «упражнялась» в хлебопашестве. Так, на конец 1850-х гг. в Пермской губернии 3,1% всей пашни (без учета помещичьей запашки) принадлежало мастеровым и вспомогательным работникам горных заводов. После реформы 1861 г. многие рабочие, покинув заводы (в том числе по причине закрытия последних), вообще занялись одним земледелием. Житель с. Торговижского (Красноуфимский уезд) А.Н.Гладких сообщал, что когда окрестные заводы «прекратили кричные работы», заводчане, хотя и не все поголовно, взялись за соху, стали «учениками коренных хлеборобов», приобретая навыки полевого хозяйства-

ния. Во второй половине XIX в. возросло также число тех, кто, продолжая работать на заводах, занимался и хлебопашеством. Художник Н.Р.Бах, в 1884-1885 гг. живший в Каслинском заводе (он приехал сюда из Санкт-Петербурга, чтобы «наблюдать за рисовальной школой и художественными отливками»), в очерке «Завод Касли и его окрестности, писал: «Летом здесь большая нужда в лошадях, так как почти все жители в Каслях занимаются обработыванием отведенных им земельных участков. Заводские рабочие вместе с тем земледельцы, и вследствие этого в течение 3-х летних месяцев приблизительно завод бездействует и обыкновенно ремонтируется. Приближение страды обнаруживается уже за несколько дней вперед. Издалека доносятся неопределенный смешанный гул, ржание, резкие свистки и хлопанье бичей. Оказавшиеся в начале лета излишними лошади со своих пастбищ на Урале сгоняются для предстоящих работ по уборке хлеба. По улицам заводского городка проносятся табуны лошадей в 4-5 тыс. голов, охраняемые лишь несколькими конными пастухами с бичами в руках, сопровождаемые криком и гамом уличных мальчишек; табуны останавливаются на базарной площади, и владельцы лошадей, отличив тавро, разбирают по принадлежности своей рабочий скот». Сами каслинские рабочие при опросах заявляли, что в пореформенное время у них «и полевое хозяйство и скотоводство значительно увеличилось». Подавляющее большинство рабочих горнометаллургической промышленности в XVIII — XIX вв. имели огороды, выращивали овощи⁷⁴.

Другое дело — отношение горнозаводского населения к людям конторского труда, которых на старом Урале называли «присударями». «Их работу мастеровые плохо знали и определяли по-своему: “Сидит в конторе, присудыркивает. На счетах щелкает да бумажки пишет”», — свидетельствовал Бажов⁷⁵. Однако это вовсе не говорило о том, что рабочие не ценили грамотность. Для того, чтобы обеспечить горнозаводское производство квалифицированными специалистами, при заводах уже в XVIII в. была создана сеть школ. При этом часть школ открывалась по коллективным прошениям заводских жителей⁷⁶. Особый размах школьное горнозаводское образование получило на Урале. В таких школах детей учили не только писать и считать — основное содержание обучения было направлено на получение теоретических и практических знаний и навыков, необходимых для производства. Выпускники школ направлялись на работы в качестве мастеров, подмастерьев, заводских служащих. Опыт показывал, что они быстрее и успешнее осваивали горные и заводские

профессии. «В горнозаводских центрах в среде трудящихся в течение XVIII в. выработалось глубокое убеждение в полезности учебы, светских знаний», — заключает Р.Г.Пихоя, изучавший общественное сознание и мировоззрение уральских рабочих конца XVII — XVIII в.⁷⁷.

Правда, даже на Урале горнозаводских школ в XVIII столетии было сравнительно немного, и они не могли охватить большей части детей мастеровых и работных людей. В огромном по территории Алтайском горном округе к 1832 г. действовало всего 7 школ⁷⁸. Немалая часть тех рабочих, кто умел читать и писать, обучались этому у частных «мастеров грамоты». Передача профессиональных знаний и навыков тоже, как уже отмечалось, осуществлялась преимущественно «частным» путем (прежде всего, в рамках семьи). Для «научения мастерству русских людей» в период становления в России крупного горнозаводского производства на предприятия приглашались иностранные мастера-специалисты. Широкие масштабы приобрел обмен квалифицированными мастерами-учителями между различными горнозаводскими центрами внутри страны. Со временем в рабочей среде наблюдался рост интереса и к общему, и к специальному образованию. Об этом, в частности, писал Д.Н.Мамин-Сибиряк, призывавший заводовладельцев, в частности Демидовых, не жалеть средств на заведение профессиональных школ. Демидовское «гнездо» — Нижний Тагил, по мысли писателя-публициста, должен был стать одним из главных центров профессионального образования на горнозаводском Урале. «По отзывам всех специалистов и неспециалистов педагогов, которым случалось бывать на уральских горных заводах, — отмечал он, — дети мастеровых просто поражают своей смышленостью, развитием и известным художественным вкусом... и если, например, в других местностях может служить препятствием вопрос о средствах, то для Тагильских заводов при их громадной производительности, колоссальном дивиденде владельца, министерских окладах крупных служащих, наконец, при постоянном уменьшении земских налогов с заводов... вопрос о средствах для профессиональных школ... просто смешон»⁷⁹.

«Технические знания и грамотность со времени освобождения рабочих распространяются гораздо больше, так как теперь, когда со стороны завода вознаграждается не только количество, но и качество труда, окупаются для рабочего и труды, затраченные на свое развитие, что служит уже достаточным побуждением к самосовершенствованию», — констатировалось современниками⁸⁰.

П.П.Бажов вспоминал о том, какие «перекоры» случились в их семье, когда отец и мать решили отправить его, десятилетнего маль-

чика, учиться в Екатеринбург. Против этого решения восстала бабушка: «Легкое ли дело из своего места в чужие люди поехать. Да еще в этакое страховитое! Я вон восьмой десяток считаю, а в городе только два раза была. Натерпелась страху-то. А тут, на-ко, что придумали. Десятилетка одного в городе оставить!» Однако родители не поддались напору бабушки. «Не встравай, мать, в это дело, — заявил отец, считавшийся одним из лучших заводских мастеров в поселке. — Сами не железные. Понимаем, сколь сладко одного парнишку из дома отпустить, а надо. Время такое подошло. Без грамоты ходу нет»⁸¹.

Среди современников и историков нашлось немало таких, кто характеризовал горнозаводских рабочих как плохих, малоквалифицированных, несамостоятельных, безынициативных работников, не имевших никакого стимула к труду. Именно такую характеристику давали, например, уральцам И.Х.Озеров (автор труда «Горные заводы Урала»), А.Н.Митинский (см. его книгу «Горнозаводской Урал»), Р. Попов. В статье Попова «Горнозаводской Урал», опубликованной в «Отечественных записках», например, говорилось: «Какая была надобность трудиться человеку, когда он знал, что его труд не оценится по достоинству, естественно ему было стремиться отдать возможный *minimum* работы. Даже в работах технических, где вознаграждение было выше и в некоторых заводах оплачивалось задельною платою, при убеждении рабочих, что работа редко проводилась в должном количестве и почти всегда безвыгодно: то рабочий сжигал непомерное количество угля, то делал значительные угары в чугунах и т.п. Этот же крепостной труд парализовал образование искусных работников»⁸². Причем, по мнению автора, «тяжелое наследие» прошлого негативно сказывалось на труде рабочих и в пореформенную эпоху. Н.К.Чупин также считал, что в дореформенный период у горнозаводских рабочих не могло появиться любви к своему делу. «... Число искусных горнозаводских рабочих у нас теперь уже довольно велико, — писал он в 1861 г., — но любви к своему делу они не могли еще приобрести, потому что труд и заработная плата не были еще для них следствием добровольного договора»⁸³. И.Х.Озеров утверждал, что даже в конце XIX — начале XX в. у рабочих горнометаллургической промышленности не было ни малейшего стимула стремиться к повышению производительности своего труда, поскольку заводская администрация в этом случае непременно снижало расценки работ. На отношении к труду сказывался, как утверждал Озеров, и «низкий культурный уровень» горнозаводского населения⁸⁴.

Подобные утверждения противоречат многим фактам, приводимым выше. Главную ошибку всех названных авторов, а также их

единомышленников (старых и новых) следует видеть в том, что трудолюбие, честное отношение к работе они исключают из системы ценностей горнозаводских людей. Н.С.Попов, который работал в главном народном училище в Перми (позднее стал директором местной гимназии) и в 1802-1803 г. по заданию губернатора подготовил капитальное «Хозяйственное описание Пермской губернии», подчеркивал творческое отношение мастеровых к труду: «... Как здешний, так и других горных заводов народ, — констатировал он, — отличается своею отважностью, способностью подражать и изобретать относящееся к заводскому производству, будучи вежливее, искуснее, ловчее и стремительнее мещан и крестьян во всех случаях»⁸⁵. Из числа горнозаводских мастеровых в XVIII — XIX вв. вышло много искусных изобретателей, умельцев, находивших новые «смелые технические решения»⁸⁶. Горный инженер Н.В.Воронцов, наладивший на заводе в Мотовилихе валовое производство стальных пушек, подчеркивал, что всеми своими успехами завод был обязан трудившимся здесь квалифицированным токарям, слесарям, литейщикам, «превосходным мастерам» «по ковке тяжеловесных пушечных болванок»⁸⁷. В 1872 г. на заводе началась подготовка к отливке огромного стула для наковальни гигантского молота, весом около 38 000 пудов. Предстояло, как отметил А.Г.Козлов, автор книги «Творцы науки и техники на Уралк. XVII — начало XX века», осуществить «в то время первую по величине чугунную отливку в мире»⁸⁸. Отливка стула была осуществлена 26 января 1873 г. Отливка продолжалась без перерыва 27 часов, причем в ней было занято около 700 рабочих. Специалисты, бывшие свидетелями отливки, говорили, что «сметливость, единомыслие и сочувствие делу» рабочих, трудившихся бессменно больше суток, «превосходили решительно всякие похвалы». В частности, адъюнкт кафедры металлургии Горного института Н.А.Иосса, отмечал, что мастера при этом очень гордились своей работой и «не щадили трудов своих — лишь бы добиться успеха». Сам Н.В.Воронцов писал позднее, что мог бы обойтись при отливке молота гораздо меньшим числом работников, но «не мог отказать в удовольствии поработать над такой небывалой еще вещью, так как все они хотели принять участие в этой огромной работе»⁸⁹. 17 февраля 1875 г. строительство 50-тонного молота было завершено, и Воронцов решил сразу же приступить к ковке болванки для 11-дюймовой пушки. Мастерские, по его словам, трудились «с увлечением; приятно было видеть их веселые оживленные лица»⁹⁰. «Наши рабочие, — пересказывала содержание одного из выступлений Воронцова газета «Голос», — не только ни в чем

не уступают европейским, но, по смелости, преданности делу и способности в экстренных случаях к необычайным усилиям даже превосходят их...»⁹¹.

Другой известный инженер В.Е.Грум-Гржимайло, который после окончания в 1885 г. Санкт-Петербургского горного института был приглашен работать на Урал (сначала трудился на Нижнетагильском заводе, затем — в Нижней Салде, Алапаевске) сожалел, что среди его товарищей, уральских инженеров, оказалось «гораздо больше врагов уральских мастеровых, чем друзей, хорошо об них говорящих». Как правило, эти «командиры производства» видели в рабочих простых исполнителей и требовали беспрекословного исполнения своих распоряжений. Когда же рабочие пытались возражать, жаловались управителям на их недисциплинированность. Нередко результатом опрометчивого приказа инженера была авария. Рабочие-исполнители в таких случаях говорили: «Оно, конечно, это было делать нельзя, да мы народ темный; Вы — ученые, Вы — лучше знаете! А только это ведь не в первый раз, тогда-то и тогда-то были такие же поломки, потому что отдавали приказания такие же, как Вы». К таким «ученым командирам» у мастеровых складывалось «враждебное, презрительное отношение». В итоге же страдало производство. Между тем, рабочие считали себя не только исполнителями. Они хотели, чтобы на «их» заводах с их мнением считались и при принятии решений. Мастерской люд ценил тех «командиров» производства, которые видели в рабочих не подчиненных себе людей, а своих *сотрудников*. Именно таким «командиром» был сам Грум-Гржимайло. Он вспоминал, что когда в Нижней Салде вводилась в строй новая прокатная фабрика, для пуска машины «выписали» из-за границы старшего монтера фирмы «Эрхард и Земмер». «Машина, — продолжал рассказывать Грум-Гржимайло, — была собрана нами, и сборка ее удостоилась самой лестной аттестации этого монтера. Вдруг он заявил, что требует увольнения моего главного машиниста Стапана Федоровича Коновалова. Дело обстояло так: на регуляторе стоял немец и заставлял машину работать вперед и назад. С.Ф.Коновалов был за масленщика, обходил машину и прислушивался к шумам в золотниках и цилиндрах. Вдруг ему показалось, что в золотниках что-то пощелкивает. Он крикнул немцу. Немец или не слышал, или не понял и продолжал работать. С.Ф.Коновалов бросился к машине и ее остановил, вырвав регулятор из рук немца. Я долго разъяснял немцу, что ему не на что обижаться, что С.Ф.Коновалов поступил

правильно, ибо думал предупредить катастрофу. Немец говорил одно: «Я старший, это нарушение дисциплины; я уезжаю в Германию»».

Желая предотвратить конфликт, инженер подал Коновалову руку и в присутствии немца сказал ему: «Ну, Степан Федорович, делать нечего, становись на другую работу, пока господин Н.Н. здесь! Потом ты встанешь на свое место старшего машиниста при машине». «Немец был озадачен: “Не понимаю! Не понимаю. У нас в Германии не так! В России нет дисциплины! Без дисциплины нельзя!”». — завершал рассказ об этой истории Грум-Гржимайло.

«Да! С точки зрения европейца дисциплина у нас была странная, — резюмировал инженер, успевший, по его словам, за время службы в Нижней Салде узнать «драгоценные качества уральского рабочего». — Отдаешь приказание сделать так-то. Приходит мастер: “Вы приказали сделать так, а по моему мнению, надо сделать иначе. Почему? Да потому и потому”. Иногда соглашаешься, другой раз скажешь: “Чучело ты, чучело! Ничего-то ты не понимаешь” и объяснишь ему его ошибку. Бывало и так, что за невозможностью предупредить, что по мнению мастера нужно сделать иначе, он делает на свой страх посвоему. За это мы никогда не бранили, а часто хвалили. Мы служили одному делу и ценили такое участливое отношение исполнителей наших приказаний».

Грум-Гржимайло называл такой порядок «дисциплиной знания» и считал, что она больше подходит для завода, чем «дисциплина палки». В Нижней Салде молодой инженер, по его признанию, «работал как каторжный», «сколько было сил», «учился сам, учил машинистов и слесарей». И рабочие его приняли, пошли ему навстречу. «Этот наладит дело», — говорили они и, по словам Грум-Гржимайло, «работали для “своего” завода со всем усердием». «Завод наш, — заявляли они, — он нас кормит; для него нельзя не постараться». «В русском рабочем, — радовался инженер, — я встретил того идеалиста, такого же энтузиаста, того же бессребреника, каков я сам, и я полюбил его всем сердцем»⁹².

Грум-Гржимайло подвляло, что подавляющая часть российского общества (включая его родного брата) не может понять, что «заводская работа полна поэзии, увлечения, идеалов», что на заводе работают люди, уважающие «друг в друге мастерство». Для многих соотечественников завод представлялся «прессом для выжимания пота из рабочих». «Этими взглядами, — констатировал инженер, — пронизаны все писания наших экономистов. На этом построена вся теория

классовой борьбы. Теория вредная во всей своей сущности, ибо никакой такой борьбы быть не должно»⁹³.

Своим учителем в деле организации труда на заводе Грум-Гржимайло считал К.П.Поленова, бывшего в 1864-1901 гг. управителем Нижнесалдинского завода (в 1864-1897 гг. он управлял также Верхнесалдинским заводом). С Поленовым молодой инженер встретился в 1886 г., когда оказался в Нижней Салде на должности надзирателя. Он характеризовал Поленова как «большую умницу», «врага ходячих мнений», «человека большой воли», «хорошего хозяина». Еще лет за пять до приезда Грум-Гржимайло Поленов ввел на Нижнесалдинском заводе своеобразную систему аттестации рабочих. Оценивали работоспособность мастеровых при этой системе выборные из числа старших мастеров. И определяя людей на рабочие места, администрация судила «о способностях слесаря и токаря не на основании слов уставщика-мастера, а на основании приговора его товарищей, старших мастеров — выборных». Система прекрасно себя оправдывала, и когда В.Е.Грум-Гржимайло назначили управляющим Алапаевским горным округом, он ввел ее и на Алапаевском заводе⁹⁴.

Грум-Гржимайло постоянно подчеркивал, что рабочие называли предприятия, на которых трудились они сами и их «предки» «своими». Говоря о демидовских заводах, он отмечал, что занятые на них горнозаводские люди «считали заводы своими и барина Демидова своим. Его содержали, а сами кормились»⁹⁵. Впрочем, при отнесении завода к «своим» рабочие не смотрели на его владельческую принадлежность. Они считали предприятия «своими», поскольку эти предприятия создавались, поддерживались, развивались трудом их «предков» и их собственным трудом. «Свои» заводы кормили не одно поколение «коренных» работников и должны были кормить их потомков. Именно поэтому, по мнению историка А.А.Савича, мастеровые во времена пугачевщины выступали против закрытия и разграбления заводов, оберегали заводское имущество, а многие вообще отказались пойти за самозванным «Петром Федоровичем»⁹⁶.

Поскольку предприятия считались рабочими «своими», они полагали, что имеют право на то, чтобы, например, из заводского железа изготовить какую-нибудь вещь для собственного обихода или на продажу, «позаимствовать» что-либо из заводского имущества. «Рабочий всю жизнь делает железо, льет чугунные отливки. Убедите его, что взять кусок железа или отлить себе сковородку — воровство!» — писал тот же Грум-Гржимайло⁹⁷.

Перевод волей администрации или частного владельца со «своего» предприятия на другое воспринимался рабочими крайне негативно. Те же братья Белоусовы с их товарищами бежали в горы, поскольку их хотели перевести с «родного» рудника на другой⁹⁸. П.П.Бажов рассказывал, что часть мастеровых Сысерти работала на Ильинском заводе, находившегося верстах в двух от поселка. Несмотря на то, что им приходилось немало времени затрачивать на дорогу, они не стремились перевестись со своего завода на Сысертский⁹⁹. В 1883 г. рабочие Билимбаевского завода отказались от переселения на Кыновский завод, хотя на новом месте им были обещаны лучшие условия труда¹⁰⁰.

Поскольку для горнозаводских людей работа на заводах и рудниках являлась главным источником существования, они претендовали на то, чтобы их труд достойно вознаграждался. Борьба рабочих с частными заводовладельцами и администрацией казенных предприятий за справедливую заработную плату продолжалась на всем протяжении XVIII — XIX вв.¹⁰¹. При этом действовали они, как правило, коллективно и сплоченно. «Заединщина» в мире взрослых считалась столь же важным качеством, как и в мире детей. П.П.Бажов вспоминал, что в его родной Сысерти рабочие время от времени устраивали «расправы» с заводскими служащими, которые слишком уж начинали досаждать «мастеровщине». «Насмерть, однако, не били. Ограничивались обыкновенно хорошей взбучкой», — замечал Бажов. Причем эти «встряски», которые рабочие, договорившись, устраивали для представителей заводской администрации, имели положительный результат, напоминая, что «терпению “мастеровщины” есть конец» и «выслуживаться» перед вышестоящим начальством или заводовладельцем «надо с оглядкой». Попытки разыскать участников экзекуции всегда оказывались безрезультатными, поскольку никто из рабочих и даже мелких служащих старался не подвести других и не быть обвиненным в предательстве своих «заединщиков»¹⁰².

Таким образом, горнозаводские люди считали себя особой категорией населения страны, отличающейся по целому ряду параметров от других социальных слоев и групп, в том числе от крестьян. Обуславливалось это, по их мнению, особым характером труда на горнозаводских предприятиях и выдающейся ролью горнометаллургических предприятий в решении общегосударственных задач. Честный труд занимал в системе ценностей «горнозаводчанина» главное место. Некачественная работа, непрофессионализм, рестрикционизм, безынициативность, недисциплинированность не только не считались

базовыми чертами его трудовой морали, но рассматривались в самой горнозаводской среде как отклонения от нормы. Показательны признания лучших представителей горнозаводского инженерного корпуса (таких, как Н.В.Воронцов, В.Е.Грум-Гржимайло) в том, что в их «заводских триумфах» «громадную роль играло сотрудничество... друзей-исполнителей — мастеров и рабочих» (слова Грум-Гржимайло¹⁰³).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Порталь Р. Урал в XVIII веке: Очерки социально-экономической истории. Уфа, 2004. С. 160.
2. Цит. по: Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000 С. 207.
3. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 278-279.
4. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX — начало XX века). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2003.
5. Там же. С. 28-29.
6. Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С.65.
7. Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 115.
8. См. об этом: Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000.
9. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 65.
10. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири .в 1700 — 1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 169.
11. См., например: Усольцев А.В. Социальная политика на территории Алтайского горного округа в 20 — начале 60-х гг. XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2001. № 4 (22). С. 27-31; Коробков Ю.Д. Указ. соч. С. 37. «Несмотря на наличие у горнорабочих на ценностном уровне твердой установки на труд как на первейшую потребность, на уровне реального поведения их “массовая” трудовая этика отличалась такими качествами, как рестрекциионизм, низкая производственная культура и дисциплина труда, пьянство и воровство на рабочем месте. Их отличало неумение систематически, методично, аккуратно работать и стремление к минимизации своих усилий», — пишет, например, Ю.Д.Коробков.

12. Гаврилов Д.В. «Ай, да мы, работающий народ...»: трудовые и культурные традиции горнозаводских рабочих Урал в XVIII — начале XX вв. / Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 8-17.
13. Алеврас Н.Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. Ставрополь, 2003. С.30-46.
14. Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 10-11.
15. Алеврас Н.Н. Указ.соч. С. 36.
16. См., например: Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследования по эстетике устропоэтического канона). Л., 1989; Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994; Богданов К.А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
17. Мальцев Г.И. Указ. соч. С. 63-64.
18. Путилов Б.Н. Указ. соч. С. 50-51.
19. Там же. С.57.
20. Там же. С. 55-56.
21. Лазарев А.И. Рабочий фольклор Урала (Об основных этапах становления и развития нового типа художественного мышления народа). Иркутск, 1988.
22. Там же. С. 122, 154, 157, 161.
23. Там же. С. 145-146.
24. Батин М.А. Павел Бажов. Свердловск, 1983. С. 74.
25. См.: Лукьянин В.Согласно, но вопреки. П.П.Бажов как «художник социалистического реализма» // Урал. 2004. № 1.
26. Бажов П.П. Собр. соч.: В 3-х т. Т.3. Повести, очерки, публицистика. М., 1952. С. 409.
27. Батин М.А. Указ. соч. С. 76.
28. Бажов П.П. Указ. соч. С. 454.
29. См., например: Слобожанинова Л.М. «Малахитовая шкатулка» П.П.Бажова в литературе 30-40-х годов. Екатеринбург, 1998; Она же. Сказы — заветы старины». Екатеринбург, 2000; Она же. «Малахитовая шкатулка» Бажова вчера и сегодня // Урал. 2004. № 1.
30. Мисюрев А.А. Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Новосибирск, 1938; Он же. Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959; Он же. Легенды горной Колывани. Барнаул, 1989.
31. См. работы: Кожевников С.Е. По следам легенд и преданий // Сибирские огни. 1940. № 1. С. 126-136; Дымшиц А. Народные рассказы о далеком и недавнем прошлом // Там же. 1955. № 4. С. 186-187; Залыгин С.П. Мастерство писателя-фольклориста // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 167-178; Яновский Н.Н. Мисюрев Александр Александрович // Краткая литературная энциклопедии. М., 1967. Т. 4. Стб. 870; Мельников И.Н. Трудный поиск (К 60-летию А.А.Мисюрева) // Науч. тр. Новосибирского гос. пед. ин-та. Вып. 57. Сибирский фольклор. Вып.2. Новосибирск, 1971. С. 152-161; Мисюрев А. Сказания Рудного Алтая. Предисловие редакции // Сибирские огни. 2000. № 5.

32. Мамсик Т.С. Фольклорные герои и историческая действительность (по материалам легенды о братьях Белоусовых) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 120-134.
33. Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария (Из путевых записок об Алтайе) // Литературное наследство Сибири. Т.4. Николай Михайлович Ядринцев. Художественные и публицистические произведения. Воспоминания. Новосибирск, 1979. С. 120-122.
34. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 163 – 166.
35. Там же. С. 78-79.
36. Мисюров А.А. Легенды и были... С. 51-56.
37. См.: Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.85.
38. Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 121 – 133.
39. Путилов Б.Н. Указ. соч. С. 125.
40. Полищук Н.С. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих // Русский фольклор. Т. XV. Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. С. 185.
41. Бажов П.П. Указ. соч. С. 303.
42. Там же. С. 417-418.
43. Там же. С. 385.
44. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 68.
45. Бажов П.П. Указ. соч. С. 67.
46. Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 15
47. Бажов П.П. Указ. соч. С. 25 .
48. ГАНУ. Ф. 13. Д. 56. Л. 155-157, 176-177.
49. Карпенко З.Г. Указ. соч. С.166.
50. См, например.: Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 68; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале: Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800 – 1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 76, 154, Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 165-166.
51. Савельзон В. Путиями старых горняков // Уральский следопыт. 1977. № 4. С. 54.
52. Ефремов И.А. Путиями старых горняков // <http://iaefremov.narod.ru>. С. 42.
53. Там же. С. 44-45.
54. Там же. С. 43-44.
55. Там же. С. 48-55.
56. Бажов П.П. Указ. соч. С. 78.
57. Злоказов Л.Д, Семенов В.Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С.22.
58. Озерцовский Н.Я. Путешествие по России. 1782-1783. СПб., 1996. С. 46.
59. См. об этом: Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых (1695-1782): Из истории становления и развития металлургии России. М. 1996.

60. Озерцовский Н.Я. Указ. соч. С. 86-87.
61. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр соч.: В 12-ти т. Т. 12. Автобиографические произведения. Публицистика. Свердловск, 1951. С.48.
62. Глаголева А.П. Олонские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 222.
63. Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1842. Т. 20. № 2. Разд. VIII. С. 58.
64. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 828. Л. 507-512 об.
65. Решетников Ф.М. Повести и рассказы. М., 1986. С. 263-264.
66. См.: Глаголева А.П. Указ. соч. С. 222; Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Механикус Иван Ползунов. Барнаул, 1988. С. 35-36; Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 105-109.
67. Решетников Ф.М. Указ. соч. С. 140.
68. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1903. Т. 115. С. 285.
69. Ефремов И.А. Указ. соч. С. 44-53.
70. Бажов П.П. Указ. соч. С. 25.
71. Там же. С. 28.
72. См.: Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909. С. 36; Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX — начало XX века). Дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2003. С. 120, 123.
73. Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды у жителей села Торговичского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. 10. С. 6.
74. Там же; ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 122. Л. 1-51; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 51-54; Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С. 172; Алеврас Н.Н. «Пермские губернские ведомости» о положении уральских рабочих (1861-1881) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII — начала XX в. Свердловск, 1987. С. 30-31; Свистунов В.М. История Каслинского завода 1745-1900 г. Челябинск, 1997. С. 160-161, 172..
75. Бажов П.П. Указ. соч. С. 26.
76. См.: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (Конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 175; Глаголева А.П. Указ. соч. С. 137, 142; Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 90.
77. Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 211.
78. Усольцев А.В. Социальная политика на территории Алтайского горного округа в 20 — начале 60-х гг. XIX в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2001. № 4 (22). С. 28.
79. Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С. 161.
80. Свистунов В.М. Указ. соч.. Приложение 9. С. 161.
81. Бажов П.П. Указ. соч. С. 78.
82. Попов Р. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 318.
83. Чупин Н. Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 1861. № 6. С. 582-583.
84. Озеров И.Х. Указ. соч. С. 161-162.
85. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург... С. 96-97.

86. См.: Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале XVIII — начала XX в. Свердловск, 1981; Виргинский В.С. Жизнь замечательных русских механиков Черепановых. М., 1956; Савельев Н.Я. Указ. соч.: Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Указ. соч. С. 13-16; Цыпин Б.Л. Документы о жизни и деятельности уральского изобретателя Е.Г.Кузнецова // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 99 — 117; Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 172..
87. Рафиенко Л.С. Горный инженер Н.В.Воронцов. Пермь, 1989. С. 31.
88. Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVIII — начало XX века. Свердловск, 1961. С. 169.
89. Рафиенко Л.С. Указ. соч. С. 79-80.
90. Горный журнал. 1916. Т.3. № 9. С. 266.
91. Голос. 1875. 27 апр.
92. Грум-Гржимайло В.Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело: Из жизни металлурга, рассказанной им самим. Екатеринбург, 1994. С. 17-19, 37-38, 40.
93. Там же. С. 18, 39.
94. Там же. С. 42.
95. Там же. С. 15.
96. Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII — XX вв. М., 1931. С. 31-34.
97. Грум-Гржимайло В.Е. Указ. соч. С. 21-22.
98. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Указ. соч. С. 78.
99. Бажов П.П. Указ. соч. С. 25.
100. Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. 1861-1904. М., 1960. С. 68.
101. См.: Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 78, 140-141; Черкасова А.С. Челобитные мастеровых и работных людей как исторический источник по истории положения и классовой борьбы трудящихся Урала // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 20-23, 25-29; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Указ. соч. С. 84, 104-105, 118-119, 210 и др.
102. Бажов П.П. Указ. соч. С. 42-44.
103. Грум-Гржимайло В.Е. Указ. соч. С. 17.